

К 100-летию Первой мировой войны

А. В. Харламенко

Часть вторая . Уроки истории, или на память ура-патриотам 2014 года

*«Еще плодоносить способно чрево,
Которое вынашивало гада».*

Бертольт Брехт

«Если рабочие забудут свой долг, если они останутся пассивными, настоящая ужасная война станет предтечей новых, еще более ужасных международных войн и приведет в каждой стране к новым победам над рабочими рыцарей шпаги, владык земли и капитала»ⁱ.

*Второе воззвание Интернационала
о франко-прусской войне, 9 сентября 1870 г.*

«Чудесное пророчество есть сказка. Но научное пророчество есть факт. И в наши дни, когда кругом нередко можно встретить позорное уныние или даже отчаяние, полезно вспомнить одно оправдавшееся научное пророчество... Сколько почерпнули бы отсюда те, кто предаётся теперь постыдному маловерию, унынию, отчаянию, если бы... если бы люди, привыкшие лакействовать перед буржуазией или давшие себя запугать ей, были способны мыслить!»

В.И. Ленинⁱⁱ

Сто лет назад Европу, а затем почти весь земной шар опалило пламя Первой мировой войны.

1 августа 1914 г. кайзеровская Германия объявила войну царской России, отклонившей ее ультиматум об отмене мобилизации. Впечатляет поведение правящих кругов обеих сторон: как германских, использовавших мобилизационные меры – суверенное право любого государства – в качестве *casus belli*, так и российских, принявших германский вызов при явной неготовности к войне.

2 августа диктаторский триумvirат «младотурок», давно готовивший геноцид нетурецких народов, формально провозгласил нейтралитет Османской империи, втайне же подписал с Германией кабальный договор, обязавшись не только вступить в войну на ее стороне, но и подчинить армию и флот ее командованию. В первый, но далеко не в последний раз в истории, клика национал-экстремистов собственноручно низвела свою страну до уровня полуколонии.

В тот же день 2 августа Германия, еще не объявив войны Франции, потребовала от Бельгии пропустить ее войска к французской границе. Всем было известно, что бельгийский нейтралитет гарантирован могущественной Британской империей и его нарушение превращает европейскую войну в мировую. Чтобы охладить пыл кайзера, Лондону достаточно было шевельнуть пальцем. Но «прославленная» дипломатия Форин-офиса до последних дней обнадеживала союзников обещанием исполнить обязательства, а немцев – посулами посредничества и намеками на сохранение нейтралитета, раскрыв карты только после того, как война стала неизбежной.

3 августа германское правительство объявило войну Франции. Заранее был заготовлен предлог: над территорией рейха будто бы пролетали французские самолеты. Впоследствии Берлину пришлось официально признать, что пресловутых аэропланов *никто* не видел.

За сорок минут до того, как на Гринвичском меридиане третье число августа сменилось четвертым, первый лорд адмиралтейства Уинстон Черчилль сообщил на заседании кабинета, что им уже *разослана* по всем морям и океанам радиограмма, предписывающая английским военным судам открыть военные действия против Германии. Вообще говоря, отправку такой радиограммы до объявления правительством войны

следует рассматривать как акт государственного переворота и морского пиратства одновременно.

Вглядываясь в схваченные фотографией черты лиц развязавших мировую бойню правителей, и «августейших», и выборных, явственно ощущаешь печать цинизма, почти у всех в сочетании с бьющей в глаза посредственностью. Прав был Авраам Линкольн: с определенного возраста каждый отвечает за свое лицо. Отношение к своим подданным либо электорату как к расходному материалу накладывает неизгладимую, поистине каинову печать.

Разумеется, было бы наивным объяснять исторические трагедии психологическими свойствами индивидов, имущих власть и капитал. Наоборот, их личные свойства – закономерный продукт общественных отношений империализма, так же как, по словам К. Маркса, капиталист есть функция капитала: субъект эксплуатации подчинен безличным законам капиталистического способа производства в той же мере, что и ее объект.

В советские десятилетия название той войны писали со строчной буквы и лишь после победы российской «демократии» над социализмом удостоили прописной. Формальная на первый взгляд перемена обозначила поворот от марксистско-ленинской критики империалистической войны к разным вариантам ее буржуазного истолкования.

В преддверии нынешнего юбилея уже не только желтые СМИ и «корифеи» официальной науки, но и первое лицо РФ дружно принялись внушать согражданам, что та война была для России не империалистической, а отечественной; что только происки большевиков лишили страну возможности вместе с западными союзниками вкушать плоды долгожданной победы; что те же большевики чуть ли не сто лет лишали нас памяти о предках, и лишь теперь торжествуют «правда» и «справедливость».

Такого рода пропаганда рассчитана на нынешних ЕГЭ-абитуриентов. Кто застал советские годы в сознательном возрасте, тот не забудет, что никакого табу на память о той войне у нас не было. Кто хотел, мог найти в специальной и художественной литературе все, что его интересовало. Мы знали наизусть строки, написанные Константином Симоновым в начале другой войны – действительно Великой, действительно Отечественной – об отце, «пропавшем в карпатских снегах», о мертвых сибирских ротах у стен Перемышля. Видели в самом центре Ленинграда памятник морякам «Стерегающего». Поименно знали своих предков, сражавшихся на фронтах Первой мировой. Хранили в семейных архивах их боевые награды и даже открытки, где знаменосцы трех великих держав Антанты держали рядом три триколора (мы, конечно, не думали, что один из них снова станет развеиваться над нашей землей). Если кто-то что-нибудь и скрывал, то либо люди совсем уж робкого десятка, либо карьеристы, всеми неправдами карабкавшиеся вверх не по уму и таланту. Подобная публика во все времена заботится не столько о деле, которым обязана заниматься, сколько о том, «как бы чего не вышло»: то колеблется с генеральной линией, то старается выглядеть правовернее папы римского. Верны они себе и теперь.

Вне всякого сомнения, идеологическая кампания, развернутая в РФ накануне столетия кровавого августа, нацеливалась на окончательное замещение в общественном сознании элементов *советского* патриотизма новой официальной идеологией «просвещенно-консервативного» толка. Первая мировая война должна была встать в один ряд со Второй и тем лишить Великую Отечественную ее действительного содержания – защиты *Советской социалистической* Родины.

Не последнюю роль в кампании играл внешнеполитический аспект – поиск общего знаменателя с «цивилизованным Западом» в лице Соединенных Штатов, для которых та война была и остается истоком их мировой гегемонии, и Евросоюза, нуждающегося в политкорректной трактовке отгремевших битв между европейцами. К столетию Первой мировой приурочили не более и не менее как перекрестный Год культуры России и Великобритании – не нашли лучшего повода скрепить узы «дружбы» с «одной из стран-победительниц», как настойчиво напоминают информагентства. Понятное дело, они «забывают», что именно Лондон был главным провокатором обеих мировых войн, разделяющим ответственность за них с прямыми агрессорами, а также неизменным «правофланговым» антироссийских, антисоветских и снова антироссийских кампаний. Да и на сей раз история не замедлила внести ясность: верные себе британские власти под предлогом украинского кризиса чуть не подвергли «Год культуры» бойкоту.

Но с официальных пропагандистов как с гуся вода. Первая мировая нужна им как повод для очередной попытки восстановить общественное сознание против самой идеи *революции*. С начала нынешнего года в СМИ хлынул поток подделок о Российской империи, якобы близкой к военной победе, но загубленной большевиками и/или предателями-либералами; об инициаторе «женских батальонов смерти» Марии Бочкаревой, «безвинно» расстрелянной большевиками после ее миссии в антантовских столицах по пропаганде антисоветской интервенции; и, уж конечно, в очередной раз – об августейшем семействе «новомучеников российских».

По писаниям «просвещенных консерваторов» можно предположить, что они намеревались сразаться на два фронта – и против левых, и против натовской агрессии, вставшей во весь рост за киевским майданом. Под юбилейный шумок даже «экстремизм» и «международный терроризм» в качестве объекта демонизации подменили «радикализмом» – то ли заботясь о политкорректном названии киевских и прочих фашиствующих погромщиков, то ли заранее осуждая любую попытку *коренного* (перевод латинского термина «радикальный»), а не только «крайнего» или отвечающего на террор террором, преобразования общества. Но войн на два фронта не выигрывал еще никто (это – один из главных уроков Первой мировой), в данном же случае она стала проваливаться, едва начавшись. В те же февральские дни, когда телевидение крутило пропагандистские фильмы о том, как революционная смута помешала «нам» победить, украинские поклонники Бандеры упоенно крушили памятники Ленину, наглядно демонстрируя последствия антикоммунизма для национальной независимости вообще и российской в особенности.

Думалось: может, у правителей РФ хватит благоразумия хотя бы теперь спустить сомнительный юбилей на тормозах, не устраивать очередной пир во время чумы? Где там... В последний день аномально жаркого июля, последний день перед годовщиной вовлечения в ту войну России, и, как уже мало кто помнит, день 100-летия гибели французского социалиста Жана Жореса, убитого за отчаянную попытку помешать мировой бойне, информагенства с пометкой «срочно» сообщали: *«Президент РФ Владимир Путин поприветствовал участников и гостей Международного научно-общественного форума "Великая Война. Уроки истории"»*. Как видно, организаторам мероприятия уже мало принятого историками названия «Первая мировая»: они норовят воскресить «Великую Войну» – оба слова с прописных букв! – газетный штамп столетней давности, отторгнутый современниками и давно забытый потомками. Правда, президент по обыкновению уклончив: *Первая мировая – «одновременно и подвиг русского оружия, и национальная катастрофа... Именно в этот нелегкий период обострились противоречия, которые привели страну к революционным потрясениям и братоубийственной гражданской войне»*. Кто как хочет, пусть так и понимает. Но сам факт приветствия главы государства, да еще при нынешних обстоятельствах, есть уже участие в антикоммунистической «переоценке ценностей». Особенно учитывая слова о *«подвиге солдат и офицеров, защищавших Отечество»* – ведь многие современники и потомки, отдавая долг воинской доблести павших и живых, категорически отказывались называть данное ее проявление защитой Отечества. Так что трудно надеяться на осуществление заявленной президентом установки: *«Память об этой трагедии должна помочь нам извлечь верные уроки из прошлого. Необходимо дать объективную оценку событиям тех лет, не допуская искажений и предвзятости в их освещении»*.

Как г-н президент понимает «объективную оценку», можно судить по речи, произнесенной им на следующий день при открытии памятника на Поклонной горе, рядом с мемориалом Великой Отечественной (нашли же место – ведь Поклонная в военной истории известна лишь тем, что на ней Наполеон ждал ключей от оставленной русской армией Москвы!): *«Однако эта победа была украдена у страны. Украдена теми, кто призывал к поражению своего Отечества, своей армии, сеял распри внутри России, рвался к власти, предавая национальные интересы»*.

Опять фигура умолчания. Желающие могут под «рвавшимися к власти» понимать буржуазную оппозицию Николаю II, готовившую вместо Февральской революции верхушечный переворот. Но в обывательском сознании давно создан стереотип, будто пораженцами были исключительно большевики и призывали они к поражению именно России. Поэтому вся тирада, хотел этого кто-либо или нет, бьет прямо по большевикам,

косвенно же по всей советской эпохе, с начала до конца освещенной маяком Октября. Тиражировать антикоммунистические штампы сейчас, когда этим занимаются последыши бандеровцев, рвущиеся к войне с Россией, – не значит ли *именно* призывать к поражению, сеять «распри внутри России», предавать национальные интересы? Чем комушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться...

Подготовкой мероприятий, связанных со столетием, занимается специальный комитет, который возглавляет спикер Госдумы С. Нарышкин. Тоже, кстати, явный перебор по части политизации истории. Открывая 31 июля форум, посвященный столетию, Нарышкин заявил, что поддержал просьбу родственников великого князя Николая Николаевича, который в начале войны был Верховным Главнокомандующим, о перезахоронении его праха в России. Напоминая, что останки Н.Н., как прозвали его еще при жизни, находятся в церкви Архангела Михаила во французском городе Канн, информагентства (или сам спикер?) воспроизвели это название как «Канны» – оставшийся с древнеримских времен символ чудовищного военного поражения. Поистине проговорка по Фрейду! И, ничего не скажешь, заслуженная. Это же надо: накануне дня начала «национальной катастрофы» оказать посмертную почесть тому, кто внес в катастрофу чуть не самый большой персональный вклад! Ведь это Н.Н. больше всех отличился, бросая дивизии прямо с колес в штыковые атаки не только без снарядов, но и при нехватке винтовок и патронов, единственно ради западных союзников-кредиторов царствующего дома – за что скоро и перестал быть главкомом, несмотря на свою ярко-голубую кровь...

Прошедшие уже месяцы 2014 года, кажется, до мелочей повторяют очертания водоворота, сто лет назад втянувшего Россию, Европу и мир в катастрофу. Вопрос лишь в том, где тут объективное сходство, а где провокационная «ролевая игра», намеренно отводящая Украине роль Австро-Венгрии, Донбассу – Боснии заодно с Эльзас-Лотарингией, нынешней РФ – некоего гибрида тогдашних Франции и Сербии, а пассажирам малайзийского «Боинга» – коллективных эрцгерцога Фердинанда с супругой?

Разумеется, сегодняшние угрозы не повторяют угроз 1914-го, как Первая мировая не повторяла предшествующий цикл европейских войн, закончившийся ровно за сто лет до нее. Нельзя дважды вступить в одни и те же воды – так учил еще два с половиной тысячелетия назад Гераклит из Эфеса (кстати, тщетно пытавшийся уберечь сограждан от военной катастрофы своей эпохи – столкновения с Персидской державой). Но это не значит, что настоящее не коренится в прошлом. Между ними нет тождества, но есть объективная преемственность, как воды гераклитовой реки протекают между берегами, сохраняющими в основном (кроме редчайших случаев чудовищных наводнений) прежние очертания. Поэтому не вполне прав Гегель, в принципе отрицавший возможность извлечения уроков из истории. Подобная позиция логична для идеалиста и тем паче для верующего, делегирующего историческую ответственность всевышнему. Марксисту же нет резона ставить человеческой мысли априорные барьеры, равно как и оправдывать тех, кто неспособен внять ее предостережениям в силу корыстных интересов или личностной ограниченности, хотя он и отдает себе отчет, что даже эти субъективные черты, в конечном счете, детерминированы объективно.

Война 1914-1918 гг. была принципиально новым историческим явлением. Новизна имела две стороны – количественную и качественную. Первая определялась *всемирным* масштабом войны, вторая – ее *межимпериалистической* сущностью, прежде небывалой. Правда, начало империалистическому переделу мира положили локальные (используя более поздний термин) войны 1898-1913 гг.: испано-американская, англо-бурская, русско-японская, итало-турецкая и две балканские. Но они еще не были межимпериалистическими до конца, так как велись либо зависимыми сателлитами разных империалистических держав друг против друга, либо отдельной империалистической державой против стран, зависимых от ее соперников. Начавшийся передел мира еще переплетался с национально-освободительными движениями. Лишь в августе 1914-го разразилась первая схватка непосредственно между *ведущими* империалистическими державами, в которой национальный момент, скажем сербский, не мог уже играть сколько-нибудь важной роли. Революционеры-интернационалисты, прежде всего В.И. Ленин, с полным основанием отрицали для пролетариата «защиту отечества» в такой войне.

Вместе с тем история показала, что в начале XX века империализм как высшая, монополистическая, стадия капитализма находился еще на начальном этапе. В.И. Ленин подчеркивал, что в те годы *«раздел мира между международными союзами монополистов»* лишь *начался* (определяющим он становится, как теперь ясно, на более поздних этапах империализма). Напротив, территориальный раздел мира между империалистическими державами уже *завершился*, оставив место только для насильственного передела. Это обстоятельство, как известно, явилось необходимым условием мировой войны. Но из того же соотношения сущностных признаков империализма следует, что «первичный» территориальный раздел мира большей частью *предшествовал* монополистической эпохе, выступая как одна из ее важнейших предпосылок, прежде чем был трансформирован уже сложившимся империализмом в одну из своих характерных черт (говоря языком диалектической философии, «процесс снят в результате»).

Конфликты, прямо обусловленные экономическим соперничеством монополий и завершением колониального раздела Азии и Африки (например, «фашодский» 1898 г., марокканские 1905 и 1911 гг.), свидетельствовали о приближении мировой империалистической войны и несколько раз подводили мир к ней вплотную. Но катастрофа разразилась лишь там и тогда, где и когда эти противоречия были помножены на застарелый груз европейских национально-государственных коллизий, не разрешенных за многие десятилетия и даже века.

Только учитывая, что к числу предпосылок войны, в единстве с глубинными факторами новой эпохи, принадлежало многое из военно-политического и психологического «наследства» эпохи предыдущей, мы можем убедительно объяснить, как К. Маркс и Ф. Энгельс смогли за многие годы до войны дать исключительно точный прогноз ее возникновения, хода и исхода.

Уже осенью 1870 г., едва Бисмарк нацелился на аннексию Эльзаса и Лотарингии с населением хоть частью и германоязычным, но глубоко проникнутым французским национальным самосознанием, К. Маркс и Ф. Энгельс направили германской секции I Интернационала совместное (за подписью Маркса) письмо. По поводу планов аннексии в нем говорилось: *«Военная камарилья, профессура, бюргерство и трактирные политики утверждают, что это – средство навсегда оградить Германию от войны с Францией. Напротив, это – вернейший способ превратить данную войну в европейскую институцию... Это – безошибочный способ превратить будущий мир в простое перемирие до тех пор, пока Франция не окрепнет настолько, чтобы потребовать потерянную территорию обратно. Это – безошибочное средство разорить Германию и Францию путем взаимного самоистребления»*.

Безукоризненно улавливая объективную логику системы международных отношений, авторы письма предупреждали: *«Тот, кто не совсем еще оглушен теперешней шумихой или не заинтересован в том, чтобы оглушать германский народ, должен понять, что война 1870 г. ... неизбежно чревата войной между Германией и Россией... Если они (пруссак – А.Л.) захватят Эльзас и Лотарингию, то Франция вместе с Россией будет воевать против Германии. Нет надобности указывать на губительные последствия подобной войны»*. Неизбежность трагедии ограничивалась еще одним условием: *«если не учитывать того маловероятного случая, что в России до этого времени может вспыхнуть революция»*.

Не надеясь на благоразумие правящих классов, авторы письма опасались, что *«негодяи и глупцы будут беспрепятственно продолжать свою безумную игру, если германский рабочий класс en masse [в массе] не поднимет своего голоса»ⁱⁱⁱ*.

Конкретно анализировать опасность по мере ее объективного вызревания пришлось Ф. Энгельсу. С молодых лет товарищи звали его Генералом – за глубокое знание военной теории и практики. Всю жизнь, несмотря на массу других дел, он не переставал систематически исследовать войну как историческое явление: и в плане развития средств вооруженной борьбы, и в плане общественно-политических последствий.

Но, главное, Энгельс в высшей степени обладал чертами, которые через сорок лет Антонио Грамши назовет «пессимизмом разума и оптимизмом воли».

Осенью 1882 г. он шлет письмо Эдуарду Бернштейну. Тот, как почти все будущие ренегаты, в молодости был особенно склонен к революционной фразе. Энгельс опускает

его с неба на землю: «Что касается войны, то Вы, мне кажется, чересчур легко к этому относитесь. Если же Германия и Австрия ввяжутся в войну на Востоке, то надо плохо знать французов, и особенно парижан, чтобы не предвидеть, что тотчас же поднимется шовинистический вой о реванше, перед которым должно будет замолкнуть бесспорно мирно настроенное большинство французского народа». Напоминая Бернштейну об анархистских покушениях на Вильгельма I, давших повод для закона против социалистов, Энгельс предупреждает, что в случае большой войны дело для них обернется гораздо хуже: «Можете быть уверены, что и в Германии наши также либо присоединятся к патриотическому вою, либо вызовут против себя такой взрыв ярости, по сравнению с которым взрыв ярости, последовавший за покушениями, показался бы детской игрушкой... Таким образом, все перспективы пока против нас. Но если уж война начнется, то исход такой европейской войны, первой после 1813-1815 гг., совершенно нельзя предвидеть, и я ни в коем случае не желал бы, чтобы это случилось»^{iv}.

Не разделяя наивных мечтаний предотвратить войну пацифистскими протестами или лобовой атакой революционного меньшинства на власть, Генерал ясно сознавал: при «стабильном» состоянии капитализма силы пролетариата, разъединяемого наемным рабством, несоизмеримы с централизованной силой буржуазного государства, его военно-репрессивной машины. Реально предотвратить войну могла бы только революция в крупной стране, существенно меняющая международное соотношение сил.

Военную катастрофу уже не европейского, а **«всеобщего»** масштаба Энгельс прогнозирует за 28 лет до того, как она разразилась. С той же единственной альтернативой: «Если бы в России вспыхнула революция, она создала бы совокупность самых благоприятных условий». Но при всемирном господстве капитала гораздо более вероятна противоположная возможность, которую «Генерал» формулирует с чеканной ясностью: **«Война, если она начнется, будет вестись только с целью помешать революции»**. И нельзя сказать, что расчеты врага безосновательны. Энгельс продолжает беспощадно разбивать иллюзии: **«Всеобщая же война, наоборот, отбросила бы нас в область непредвиденного. Революция в России и во Франции была бы отсрочена; наша партия в Германии подверглась бы участи Коммуны 1871 года. Без сомнения, в конце концов события повернулись бы в нашу пользу; но сколько пришлось бы потерять времени, принести жертв и преодолеть новых препятствий!»**^v

Как известно, история XX века с лихвой подтвердила предостережение об «участи Коммуны», грозившей в годы Первой мировой войны и сразу после неё германским революционерам и не им одним...

К анализу вероятных жертв и препятствий Энгельс обратился годом позже, работая над введением к брошюре Боркхейма – покойного товарища по революции 1848 г. Ориентирами послужили две прошлые военные катастрофы, нанесшие немецкому народу глубокие травмы. Одна из них вынесена в название брошюры Боркхейма: **«На память ура-патриотам 1806-1807 годов»**: это – разгром Пруссии и подчинение всей Германии на ряд лет наполеоновской Империей. Другая, хронологически первая и намного более страшная, – Тридцатилетняя война, унесшая даже при вооружении XVII века не менее трети населения Центральной Европы и продлившая раздробленность Германии на два столетия.

Масштаб катастрофы, которой предстояло превзойти все минувшие, Энгельс осознает уже в полной мере: **«Это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы»**. Он прогнозирует и общественные последствия такой войны – экономические, социальные, политические: **«Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, – сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, – крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы»**^{vi}.

Тридцать лет спустя В.И. Ленин назовет эти слова пророческими: *«Кое-что из того, что предсказал Энгельс, вышло иначе: еще бы не измениться миру и капитализму за тридцать лет бешено быстрого империалистского развития. Но удивительнее всего, что столь многое, предсказанное Энгельсом, идет, «как по писаному». Ибо Энгельс давал безупречно точный классовый анализ, а классы и их взаимоотношения остались прежние»^{vii}.*

Применительно к перспективам пролетарского движения Энгельс, похоже, пытается взнуздать пессимизм теоретического разума оптимизмом политической воли. На сей раз не упоминая «участи Коммуны», он выражается более сдержанно: *«Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции... Только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса».* (Подчеркнуто мною – А.Л.). Недвусмысленно, но столь же сдержанно предостережение, обращенное к «элитам» старого мира: *«Если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж таки неизбежна»^{viii}.* Кем и как завоевана, когда и почему неизбежна – Энгельс не уточняет. Приходилось учитывать цензурные условия, да и вообще не стоило давать лишний повод к репрессиям против товарищей: в бисмарковской Германии еще действовал «Исключительный закон против социалистов», а недавняя расправа над мучениками Чикаго, в большинстве иммигрантами из Германии, могла послужить реакции «вдохновляющим» примером.

Прошло несколько лет. Исключительный закон канул в Лету вместе с канцлерством Бисмарка. Германская социал-демократия надолго стала образцом массовой рабочей партии, казалось, блестяще использующей буржуазную легальность для защиты непосредственных интересов пролетариата, для подготовки к решающим боям. Естественным было стремление воспользоваться этой легальностью и для борьбы против военной угрозы, тем более что европейская социал-демократия, создав II Интернационал, стала первой партийно-политической силой, организовавшей в международном масштабе.

В начале 1893 г. лидер германских социал-демократов А. Бебель попросил Энгельса высказать мнение о позиции, которую следовало занять социал-демократической фракции рейхстага при обсуждении проекта военного закона. Тогда даже некоторые буржуазные партии выступили против резкого увеличения военных расходов, и в итоге правительству удалось добиться своего только ценой роспуска рейхстага и новых выборов. Энгельс принял активное участие в антимилитаристской кампании, изложив в социал-демократической печати программу-минимум рабочего движения по международной военно-политической безопасности. Но шансы на ее осуществление он не переоценивал.

За двадцать один год до Первой мировой, когда только еще вызревал зародыш Антанты – франко-российский союз, Энгельс дал точнейший прогноз будущей расстановки сил и шансов сторон: *«Не забудем, что исход ближайшей войны будет решать Англия. Тройственный союз, в случае войны с Россией и Францией, равно как и Франция, отделенная от России территорией противника, смогут получать необходимое для них большое количество привозного хлеба только морским путем. А на море Англия господствует безусловно. Если Англия предоставит свой флот в распоряжение одной из воюющих сторон, то другая будет просто взята измором, так как подвоз хлеба окажется отрезанным».*

Энгельсу было ясно: нормы международного и британского права, запрещающие морскую блокаду, в условиях мировой войны не будут стоить бумаги, на которой изложены. Помня о голоде, постигшем в 1871 г. осажденный пруссаками Париж, седой Генерал предупреждал прежде всего своих соотечественников, чем они рискуют в случае мировой войны: *«Это будет повторение парижской голодовки в колоссально увеличенном масштабе, и голодающей стороне придется капитулировать, что несомненно, как дважды два – четыре»^{ix}.* И оказался совершенно прав! Разве что не предвидел таких подробностей, что капитуляции будет предшествовать «неограниченная подводная война» (при его жизни боевых подводных лодок не было) и она приведет к

вступлению в войну США (неполных трех лет не дожидаясь испано-американской войны, иначе наверняка предвидел бы).

Классики марксизма ясно видели не только перспективу мирового пожара, но и те локальные конфликты, из которых он мог разгореться. Заблаговременно убеждали товарищей по рабочему движению занять правильную позицию в отношении этих конфликтов. Наиболее опасных «детонаторов», действительно сыгравших роковую роль на пути к Первой мировой, было два: эльзас-лотарингский и балканский.

Эльзас и особенно шахтерско-индустриальная Лотарингия до Первой мировой войны отличались переплетением социально-экономических, национальных и международных противоречий, во многом предвосхищавшим межвоенную Силезию и нынешний Донбасс. Насильственная аннексия, как и предупреждали в 1870 г. Маркс и Энгельс, порождала угрозу новой войны с обеих сторон: и как питательная почва для реваншистской демагогии французской военщины, и как *«наилучшее средство увековечить в обновленной Германии военный деспотизм как необходимое условие господства над Польшей Запада – Эльзасом и Лотарингией»^x*.

Выступая против прусско-германского угнетения населения края, признавая его право самому решать свою судьбу, К. Маркс и Ф. Энгельс считали первейшим долгом пролетариев-интернационалистов ни при каких обстоятельствах не способствовать превращению локального конфликта в детонатор мировой катастрофы. Рабочее движение призвано подчинять задачи *национального* освобождения *интернациональной* цели победы над капиталом. Тем более – в небольшом индустриальном крае, где национальное самоопределение немыслимо без революционных перемен в крупных странах. Убеждаясь в этом и убеждая товарищей, приходилось разгребать завалы абстрактной трактовки национального освобождения. *«Поскольку все мы сперва прошли через либерализм или радикализм, – мы оттуда переняли это сочувствие ко всем "угнетенным" национальностям, и я помню, как много времени и изучения мне понадобилось, пока я отделался от этого, – но зато уж основательно, – разъяснял Энгельс в 1882 г. Э. Бернштейну. – Мы должны сообща бороться за освобождение западноевропейского пролетариата и этой цели подчинить все остальное. Эльзасцы тоже угнетены, и я буду рад, когда мы снова сбудем их с рук. Но если накануне явно надвигающейся революции они захотели бы спровоцировать войну между Францией и Германией, снова натравить друг на друга эти два народа и таким образом оттянуть революцию, то я сказал бы: "Остановитесь! Вы можете терпеть столько же, сколько и европейский пролетариат. Когда он освободится, и вы, само собой, станете свободными, а до тех пор мы не позволим вам становиться поперек дороги борющемуся пролетариату"»^{xi}*. В этом же смысле Энгельс четыре года спустя подчеркивал: *«Для французских и немецких социалистов не существует эльзассского вопроса... Социалисты обеих стран одинаково заинтересованы в сохранении мира, так как именно им придется оплачивать все издержки войны»^{xii}*.

В конце 1913 – начале 1914 гг. события в Эльзасе едва не приняли именно то направление, которого опасался Энгельс. «Инцидент», случайно или намеренно спровоцированный прусским солдафоном, оскорбившим жителей городка Цаберн, подвел и без того накаленную обстановку во всем крае к грани стихийного восстания. Несколько разрядил ситуацию только демарш германских парламентариев, выразивших канцлеру порицание за поддержку правительством провокаторов в мундирах. Возможно, не последнюю роль в этом сыграли многолетние усилия Энгельса по выработке позиции германской социал-демократии по эльзасскому вопросу.

Роль детонатора мировой бойни, обойдя в последний момент Эльзас, перешла к Боснии. Как ни поразительно, но и такое развитие событий точно предвидел в том же 1882 г. Энгельс. Основная тема письма Бернштейну – как германскому пролетариату следует относиться к вооруженным выступлениям в Боснии и Герцеговине против австрийской оккупации. Энгельс решительно отвергает предложение Бернштейна германским социал-демократам содействовать в антироссийских целях созданию «Великой Сербии». По сути, именно такой план, только под скипетром австрийских Габсбургов, пытался реализовать в 1914 г. злополучный эрцгерцог, упокоенный пулей сербского гимназиста. Энгельс отвечает Бернштейну: *«Вы говорите, что Великая Сербия была бы такой же хорошей плотиной против России, как и Австрия. Я уже*

сказал, что не ставлю ни во что всю эту теорию "плотины", с тех пор как в России окрепло революционное движение. Я говорил также, что с удовольствием ожидаю распада Австрии». Возникновение в ходе этого распада многонациональной Югославии не стало бы для него новостью: «Через 2-4 поколения и после общих европейских переворотов Великая Сербия, безусловно, будет возможна». Под «общими европейскими переворотами» он понимал эпоху пролетарских революций, которая одна только сможет по-настоящему помочь и южным славянам: «Победа пролетариата с необходимостью принесет им действительное освобождение, а не мнимое и временное».

Если бы Энгельс мог узнать о трагической судьбе Югославии в годы Второй мировой войны и в самом конце XX века, он вряд ли сказал бы иначе. Ведь уже в 1882 г. Генерал с полной ясностью видел, какую мину под потенциальное югославское государство подводят застарелые национально-религиозные распри: «Ни хорваты, ни черногорцы не желают подчиняться верховенству Белграда...Пока здесь не будет культурного прогресса, который сделает возможной хотя бы веротерпимость, создание Великой Сербии приведет лишь к междоусобной войне».

Но еще задолго до исполнения этого горького пророчества сполна подтвердилось другое, относившееся напрямую к Боснии и Герцеговине: «Восстание этих молодцов грозит разгореться в мировую войну, которая испортит нам всю революционную ситуацию... Из-за нескольких герцеговинцев зажечь мировую войну, которая унесет в тысячу раз больше жизней, чем все население Герцеговины, – не такой должна быть, по-моему, политика пролетариата»^{xiii}.

Между тем именно такой, с позволения сказать, политике поддались в начале XX в. «австромарксисты», в угоду мелкобуржуазному национализму раздробившие по «суверенным» квартирам и рабочую партию, и профсоюзы, и кооперативы. Историей был преподан наглядный урок: что ждет страну и что угрожает миру, когда рабочее движение перестает быть противовесом националистической ограниченности, а само становится ее носителем и распространителем. В этой обстановке нечего удивляться тому, что готовая к самопожертвованию сербская (и не только сербская) молодежь, не видя шансов организованной массовой борьбы за национальное и социальное освобождение, стала на путь террора, отвечавшего в XX веке только интересам империалистических провокаторов. Ни субъективная честность, ни личный героизм еще не гарантируют, что они принесут народам благо, а не зло. Чтобы быть в этом уверенным, надо знать законы исторического развития и поднимать народные массы до сознательного следования им.

Уже в годы Первой мировой В.И. Ленин подчеркивал: «Национальный элемент в теперешней войне представлен только войной Сербии против Австрии (что отмечено, между прочим, резолюцией Бернского совещания нашей партии). Только в Сербии и среди сербов мы имеем многолетнее и миллионы «народных масс» охватывающее национально-освободительное движение, «продолжением» которого является война Сербии против Австрии. Будь эта война изолирована, т. е. не связана с общеевропейской войной, с корыстными и грабительскими целями Англии, России и проч., тогда все социалисты обязаны были бы желать успеха сербской буржуазии... Диалектика Маркса, будучи последним словом научно-эволюционного метода, запрещает именно изолированное, то есть одностороннее и уродливо искаженное, рассмотрение предмета. Национальный момент сербско-австрийской войны никакого серьезного значения в общеевропейской войне не имеет и не может иметь»^{xiv}.

При пожизненном президенте И. Броз Тито на месте гибели эрцгерцога в югославском Сараево был воздвигнут впечатляющий монумент. Нет, не жертвам империалистической войны, а исполнителям теракта, произведенным в национальные герои новой Югославии. С таким же основанием на Дворцовой площади Ленинграда можно было поставить памятник Георгию Гапону – с той разницей, что вдохновитель Кровавого воскресенья подставил под пули карателей десятки тысяч русских рабочих, а боевики «Млада Босны» помогли поджигателям войны перебить десять миллионов людей разных стран. Благими намерениями, ради которых Гаврило Принцип с товарищами пожертвовали жизнью, оказалась вымощена дорога в ад. Увы, уроки истории так и не были усвоены, а ее возмездие беспощадно. Нет уже ни памятника в Сараево, ни страны, где он стоял...

И вот теперь, при открытии другого памятника в другой стране, – путинская «украденная победа». Ее приходится сравнивать даже не с непомерным прославлением боевиков «Млада Босны», а с антикоммунистической легендой «удара ножом в спину», изобретенной для оправдания своего поражения кайзеровским генералом Людендорфом и включенной будущим фюрером в «Майн кампф». Та легенда, по сути, столь же фальшива, как нынешняя, но хотя бы выглядит правдоподобнее: как-никак немецкий фронт в момент Ноябрьской революции находился во Франции и Бельгии, а не на дальних подступах к собственной столице, как российский в 1916-1917 гг. Состояние экономики, близкое к клинической смерти, и «готовность» измученных солдат продолжать войну в обоих случаях сопоставимы. Считать состояние России к весне – или, если кому-то больше хочется, к осени – 1917-го преддверием «победы» не осмеливался, кажется, еще никто. Если это победа, что же тогда поражение?

Никто, конечно, не ждал от президента буржуазной РФ оценки империалистической войны с позиций пролетарского интернационализма. Но кое-что мог бы и он, особенно при нынешних обстоятельствах.

Во-первых, не повторять казенных легенд о вступлении России в мировую войну ради помощи братьям-славянам. Вот как писал великий русский ученый К.А. Тимирязев, бывший в отличие от президентских речеписцев современником трагических событий, об одном из «братьев» – черногорском короле Николае, *«который за несколько лет перед тем чуть не был растерзан своим голодным народом за то, что присвоил себе суммы, полученные из России на прокормление голодающих. И как подумаешь, что о благоденствии этого человека возносились первые наивные молитвы несчастного обманутого русского народа (на Красной площади), которого другой Николай и его клеветы толкнули в безумную авантюру этой проклятой войны!»* Еще за два года до нее, в начале первой Балканской войны, тот же черногорский «патриот» славянства лично нацеливал пушку на турок, театрально произнося перед журналистами: *«Я хотел, чтобы этот первый выстрел был моим, потому что знаю, что он зажжет пожар всей Европы»*. Нельзя отказать в логичности соображениям К.А. Тимирязева: *«Меня всегда поражало, почему в обсуждении вопроса о том, кто начал войну, не обращают внимания на показание этого августейшего свидетеля, в искренности которого нет повода сомневаться. Наконец, мы имеем вполне достоверное свидетельство вдохновителя русской дипломатии П.Н. Милюкова, что Балканский союз был затеян ею именно с целью «зажечь пожар всей Европы» и только вопреки этой дипломатии временно обратился против турок (см. «Вестн. Евр.», январь 1917)»^{xv}.*

Не найдется ли сейчас подобных «вдохновителей» и среди либералов вроде Милюкова, и среди любителей «возвращения к корням» посредством восстановления телесных наказаний, как в черногорской и сербской армиях в канун Первой мировой? Вот кого следовало предостеречь президенту, хотя бы ради собственной безопасности...

Во-вторых, почему бы не показать «ура-патриотам» на печальном примере Первой мировой, чем грозит серьезная война стране с отсталой техникой, уязвимой экономикой, массовой бедностью, разгулом коррупции? Николаевская империя – это вам не сталинский СССР, готовый пробежать за 10 лет расстояние, равное столетию. Тот же, кто к этому не готов, неминуемо будет смят в серьезной войне, а то и без войны. Если только не сумеет до поры уклониться от безнадежного боя, идя, раз нельзя иначе, даже на самые тяжелые условия. Именно так всегда поступали серьезные политики, готовые к действительному обновлению своей страны: от прусского барона Штейна до Ленина и Сталина. Вот о чем надо говорить во весь голос.

Есть, конечно, и иной путь, близкий уму и сердцу руководителей другого пошиба и их специфической социальной базы. Это про нее сказано народом: *«Кому война, а кому мать родна»*. А вот что об этом писал еще один выдающийся современник – В. Гиляровский:

«В магазине Елисеева наблюдательные приказчики примечали, как полнели, добрались и росли их интендантские покупатели. На извозчиках подъезжать стали. Потом на лихачах, а потом в своих экипажах...»

Чтоб прокатиться на лихаче от «Эрмитажа» до «Яра» да там, после эрмитажных деликатесов, поужинать с цыганками, венгерками и хористками Анны

Захаровны – ежели кто по рубашечной части, – надо тысячи три солдат полураздеть: нитки гнилые, бухарка, рубаха-недомерок...

А ежели кто по шапочной части – тысячи две папах на вершок поменьше да на старой пакле вместо ватной подкладки надо построить.

А ежели кто по сапожной, так за одну поездку на лихаче десятки солдат в походе ноги потрут да ревматизм навечно приобретут.

И ходили солдаты полураздетые, в протухлых, плешивых полушубках, в то время, как интендантские «вась-сияси» «на шепоте дутым» с крашеными дульцинеями по «Ярам» ездили... За счет полушубков ротонды собольи покупали им и котиковые манто.

И кушали господа интендантские «вась-сияси» деликатесы заграничные, а в армию шла мука с червями»^{xvi}.

Это, правда, написано еще про японскую войну, но в Первую мировую творилось то же самое, только масштабы стали куда больше. Воры-интенданты были лишь основанием пирамиды коррупции, вершину же составляли, как везде в эпоху империализма, мощные объединения монополистического капитала. Их органами в деле снабжения фронтов Первой мировой стали частные военно-промышленные комитеты, прокрутившие только до осени 1916 г. свыше полумиллиарда еще не очень инфляционных рублей. Почти половина этой суммы – 242 млн. – пришлось на печально известный «Земгор» – основу тогдашнего «гражданского общества» во главе с будущим главой первого Временного правительства князем Львовым, продукции же им было поставлено на 80 млн.^{xvii} Куда делось остальное – вопрос риторический.

Вот о чем бы г-ну президенту следовало сегодня напомнить всем, и прежде всего своему окружению. Без прочного, внутренне здорового тыла, без уверенности народа в том, что на его беде не наживается мафия дельцов и коррупционеров, никому не удавалось и не удастся успешно противостоять серьезным противникам.

Наверняка от нынешних властей такого разговора – откровенного, во многом горького – не дожждаться. Для этого надо прежде всего хотя бы перестать вытирать ноги о память тех, кто это действительно умел.

Так что как бы не пришлось вспомнить старика Энгельса не только в теоретическом плане, но и в самом что ни на есть практическом.

«Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, – сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное»... теперь уже не на один континент, а на весь мир.

«Голод», **«повторение парижской голодовки в колоссально увеличенном масштабе»**... Теперь уже не только голод, но и жажда гарантированы любому крупному городу, попавшему в зону военных действий. Разве не об этом кричат страдания блокированных Донецка и Луганска, сирийского Халеба (всеми СМИ упорно называемого на западный лад Алеппо) и палестинского сектора Газа?

«Эпидемии»? Они уже на пороге, и не только в воюющих странах. От смертоносных инфекций непонятного происхождения вроде лихорадки Эбола в сегодняшнем и завтрашнем мире не застрахован никто. **«Революционную диктатуру в завтрашнем мире, – как метко сказано Е.Н.Харламенко, – вполне вероятно будет олицетворять не комиссар в кожанке, а санитарный врач в белом или синем халате»^{xviii}.**

«Всеобщее одичание» уже теперь налицо во всех очагах конфликтов, и вызывается оно не только острой нуждой, но и многими другими факторами современного империализма.

«Безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите»... Можно ли точнее описать нынешнюю траекторию движения всего капиталистического мира с его финансовыми «пузырями», мэддофами и мавроди? С произвольными санкциями против неугодных стран, с «фондами-стервятниками», нацелившимися на Аргентину с подачи Верховного суда США, с неспособностью из года в год ведущей империалистической державы своевременно принять бюджет из-за саботажа конгрессменов-ультра? Чем все это может кончиться, кроме – вполне по Энгельсу – всеобщего банкротства?

«Крах старых государств и их рутинной государственной мудрости... Абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет

победителем из борьбы... Если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной». Будто написано сегодня, про нынешних бизнес-боссов, топ-менеджеров, государственных мужей и дам всего капиталистического мира!

«**Всеобщее истощение**» – похоже, дело к тому идет.

«**Победа пролетариата будет... все ж таки неизбежна**». Этому поверить сегодня труднее всего, ибо случилось так, что наш мир отброшен назад гораздо дальше, чем мог опасаться Генерал. У пролетариата отняты не некоторые, а очень многие из «ранее завоеванных позиций».

И все же у человечества нет иной альтернативы вырождению и гибели, кроме той, что со всей осторожностью «пессимизма разума» намечена Энгельсом и на практике подтверждена первой победоносной социалистической революцией в России 97 лет тому назад, которая подвела мощный фундамент под «**создание условий для окончательной победы рабочего класса**».

В свое время по решению Коминтерна 1 августа стало для коммунистов всех стран Днем борьбы против империалистической войны. В 1975 году, когда эту революционную традицию успели, к сожалению, забыть, лидеры 35 стран выбрали тот же день для подписания Хельсинкского акта. Призванное, как тогда казалось, обеспечить Европе долгожданную безопасность, это событие на самом деле внесло немалый вклад в подрыв европейского социализма и тем самым, как теперь очевидно, – того равновесия сил, на котором держался хотя бы худой мир.

5 августа – день памяти Фридриха Энгельса. 119 лет минуло с тех пор, как прах Генерала приняли воды Атлантики. Его последняя воля навсегда лишила врагов возможности надругаться над могилой. Им остается разве что бичевать морские волны, как некогда повелел своим воинам персидский царь царей Ксеркс на берегу одного из тех проливов, что краснели от крови еще много раз, вплоть до Первой мировой. Если нынешние агрессоры способны хоть чему-то учиться у истории, пусть они вспомнят судьбу Ксеркса и его многочисленных подражателей. Пусть остановятся у последней черты.

Кто не знает прошлого, обречен пережить – или не пережить – его вновь.

ⁱ Маркс К., Энгельс Ф. / Соч., 2-е изд. - Т. 17. - С. 281.

ⁱⁱ Ленин В.И. Пророческие слова / ПСС. - Т. 36. - С. 472-473.

ⁱⁱⁱ Маркс К., Энгельс Ф. Письмо комитету социал-демократической рабочей партии / Соч., 2-е изд. - Т. 17. - С. 271-272.

^{iv} Энгельс Ф. – Э. Бернштейну. 22, 25 февраля 1882 г. <http://traditio-ru.org/lib/engels1.htm>

^v Энгельс Ф. Политическое положение в Европе. 25.10.1886. / Маркс и Ф.Энгельс. Соч., 2-е изд. - Т. 21. - С. 326-327.

^{vi} Энгельс Ф. Введение к работе Боркхейма «На память ура-патриотам 1806-1807 гг.» / Соч., 2-е изд. - Т. 21.

^{vii} Ленин В.И. Пророческие слова / ПСС. - Т. 36. - С. 473.

^{viii} Энгельс Ф. Введение к работе Боркхейма...

^{ix} Энгельс Ф. Может ли Европа разоружиться? http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_22/p56.php

^x Маркс К., Энгельс Ф. Письмо комитету социал-демократической рабочей партии / Соч., 2-е изд. - Т. 17. - С. 271.

^{xi} Энгельс Ф. – Э. Бернштейну. 22, 25 февраля 1882 г. <http://traditio-ru.org/lib/engels1.htm>

^{xii} Энгельс Ф. Политическое положение в Европе. 25.10.1886. / К. Маркс и Ф. Энгельс. - Соч., 2-е изд. - Т. 21. - С. 326-327.

^{xiii} Энгельс Ф. – Э. Бернштейну. 22, 25 февраля 1882 г. <http://traditio-ru.org/lib/engels1.htm>

^{xiv} Ленин В.И. Крах II Интернационала / ПСС. - Т. 26. - С. 241

^{xv} Тимирязев К.А. Красное знамя / Тимирязев К.А. / Наука и демократия. - М., 1963. - С. 391.

^{xvi} Гиляровский В.А. Москва и москвичи / Гиляровский В.А. Сочинения в 4 томах. - Т. IV. - М., 1967. - С. 160-161.

^{xvii} <http://kprf.ru/history/date/133465.html>

^{xviii} Е.Н. Харламенко – член редколлегии МиС, безвременно ушедший из жизни наш товарищ.